А.Р. Акрамов

Перечитывая заново.
«Советская историография» 20 лет спустя

Рецензия на книгу:

Советская историография / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева.
М.: РГГУ, 1996. 590 с. (Россия – XX век)

Обращение спустя 20 лет к сборнику статей «Советская историография» под редакцией А.П. Логунова для историографического анализа может представляться странным и вызывать вполне естественные вопросы, если не учитывать по крайней мере два фактора.

Первый фактор связан с интерпретацией самого историографического процесса. В сегодняшнем историографическом пространстве сосуществуют по крайней мере несколько точек зрения. Первая заключается в том, что советскую историческую науку следует рассматривать как вполне самостоятельный *научный* проект. Возникает вопрос: почему? Потому что это был уникальный случай в мировой историографической практике, когда всего за несколько десятилетий на базе принципиально новой (марксистской) методологии был переосмыслен весь исторический процесс от первобытных обществ до конца XX вв., и как бы мы ни относились к самому качеству этого переосмысления, важно признать, что ничего подобного мировые историографические практики не знали и не знают по сей день. Поэтому до сих пор опыт становления и развития советской исторической науки остается и уникальным, и научно значимым.

Вторая точка зрения заключается в том, что исследовательские практики, сложившиеся в советской исторической науке, были идеализированными, политизированными и, несмотря на внешнюю наукообразность, по существу не решали научных проблем, поэтому развитие современных исследований выстраивается прежде всего как процесс преодоления советской историографической традиции. Если обратиться к анализу типичных авторефератов по исторической науке, то мы увидим, что молодые исследователи критично оценивают сам исследовательский опыт, накопленный в советский период¹.

Третья точка зрения состоит в том, что отношение к советской историографии является максимально дифференцированным. В ее пространстве создавались как настоящие научные шедевры, до сих пор представляющие серьезную научную ценность, так и идеологизированные, по сути, полупропагандистские произведения.

Бытование этих трех точек зрения не может не порождать внутринаучные и околонаучные дискуссии по проблемам исторического научного творчества.

Второй фактор связан с тем, что начиная с 2000 г. наше общество (по крайней мере его значительная часть) ориентируется на переосмысление значимости советского прошлого, а оценка В.В. Путиным развала СССР как крупнейшей геополитической катастрофы XX в. не может не стимулировать смещение акцентов в отношении к научным практикам². Таким образом, проблема отношения современной исторической науки к советскому периоду развития актуализируется. И в этом контексте вышедший в 1996 г. сборник работ «Советская историография» не может не приковывать внимание исследователей.

В чем же специфика и характерные черты этого сборника?

Если смотреть на проблематику сборника и на состав авторов поверхностно, то может показаться, что он несколько эклектичен и фрагментарен. В сборнике объединились авторы различных научных школ, различных поколений и с различным опытом в исследовании конкретной исторической проблематики (О.М. Медушевская, например, ведущий и известный источниковед; А.Н. Сахаров, один из наиболее ярких исследователей российского феодализма; Н.В. Стариков, специалист по изучению региональной проблематики). И сами проблемы, которые вынесены, соединяют в себе анализ общетеоретических проблем (Ю.Н. Афанасьев, Н.В. Иллерицкая, А.П. Логунов), конкретных историографических (С.О. Шмидт, Н.Н. Маслов, М.И. Мельтюхов, В.М. Кулиш), архивоведческих вопросов (Т.И. Хорхордина, В.П. Козлов), тем не менее данный сборник обладает явными признаками монографичности. Все авторские тексты объединены вокруг решения одной глобальной проблемы – влияние государства на историческую науку.

Тон в постановке этой проблемы задает, бесспорно, статья Ю.Н. Афанасьева «Феномен советской историографии», в которой автор пытается понять феномен советской историографии как явления огосударственной, или государственной, исторической науки. Постигание данного явления, по словам Ю.Н. Афанасьева, предполагает учет двух взаимозависимых измерений. Первое измерение автор называет внешним. К нему он относит вопросы о месте, роли и основных функциях исторической науки в советском

обществе. Второе измерение названо внутренним. К нему относятся вопросы о состоянии самой науки, ее структуре, правилах, тематике, методике и стиле. Проанализировав феномен советской историографии, автор приходит к выводу, что историческая наука советского периода является репрессированной наукой, а факторами влияния государства на науку являются репрессии ученых, репрессии идей и засекречивание архивов³.

Этот подход явно углубляется статьей А.П. Логунова «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг.», которая сопоставляет общенаучные и государственные кризисы, что становится весьма значимым для пояснения существа проблемы. Автор констатирует сращивание государственно-политических институтов с наукой, что приводит не только к управлению наукой со стороны государства, но и к тому, что при попытке реформации государственных и политических институтов не могла остаться незатронутой и наука⁴. Нельзя не согласиться с А.П. Логуновым и в том, что проблемы исторической науки в виде отсутствия проблемности исследований, единодушия и преобладающей роли больших исследовательских коллективов связаны непосредственно с государственными кризисами.

Весьма значимой является и статья Т.И. Хорхординой «Архивы в “Зазеркалье”: архивоведческая культура тоталитарных режимов», которая сопоставляет государственную политику в сфере формирования исторической информации Германии и СССР. Исследовательница утверждает, что государственная политика в области архивного дела в Германии конца 30-х гг. и СССР отличается идентичными государственно-идеологическими решениями. Т.И. Хорхордина заключает, что вытеснение высококвалифицированных архивистов из данной области и их замена на некомпетентных чиновников является не просто признаком «огосударствления», а практически полным подчинением научно-исследовательских и культурно-просветительских аспектов деятельности архивистов государственной идеологии⁵.

М. Ферретти привлекает внимание к современным процессам, происходящим в российском обществе. В своей статье «Сталин умер вчера... А действительно ли умер Сталин?» исследовательница ставит под сомнение то, что со сменой политического режима в науке и обществе произойдут качественные изменения⁶.

В.П. Козлов в своей статье «Публикация архивов и свобода архивной информации» исследует начало процесса деятельности молодого Российского государства в сфере архивных практик. Автор утверждает, что ситуация, происходящая в сфере архивного

дела, сопоставима с тем, что происходило с архивами в 20-х гг. в СССР. Новое государство готово раскрыть архивные материалы своих предшественников, но при этом ограничивает информацию о своей деятельности⁷. Таким образом В.П. Козлов показывает, что между созданием новой государственности и открытостью архивов нельзя ставить знак равенства.

Все это в совокупности и формирует представление о сложных механизмах взаимосвязи между государственными интересами и развитием науки. Для истории проблема идейного столкновения государства и науки является особо острой. Об этом так или иначе заявляет каждый автор из сборника «Советская историография». По моему мнению, для развития науки предельно важен некоторый либерализм. Однако это не значит, что наука должна и обязана быть в стороне от государства, наоборот, она должна быть с ней в тесном контакте, но этот контакт должен происходить на основе диалога.

Второй характерной чертой является содержание историографического процесса. Появление в середине 90-х гг. этого сборника вызвало большой интерес историков и как позитивные, так и негативные оценки. Критики данного сборника увидели в нем два существенных недостатка. Недостаточное внимание к анализу позитивных достижений историков советского времени (отсутствовали оценки получивших мировое признание школ востоковедения, византиноведения и др.) и в известной степени опасность продвижения новых идеологем. Позитивные оценки очень часто поддерживали стремление авторов смело ставить и раскрывать наиболее болезненные темы отечественной историографии. Но, как мне представляется, в стороне оставалось одно из наиболее существенных качеств данного сборника – глубокий анализ содержания и характерных черт самого историографического процесса.

В статье, открывающей сборник, Ю.Н. Афанасьев указал, что в СССР сложился своеобразный треугольник: партийные органы, силовые структуры и Академия наук. Это было очевидным, но это отнюдь не означало, что историографический процесс не развивался. Иное дело, что его развитие приобретало весьма своеобразные черты. Представляется почти бесспорным, что развитие научных исследований невозможно без внутреннего и внешнего диалога, и в этом плане чрезвычайно интересными и актуальными представляются статьи М.П. Мохначевой, А.Н. Сахарова, С.О. Шмидта⁸, М.И. Мельтюхова.

Так, М.П. Мохначева в своей статье «Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога» отмечает положительную тенденцию идейно-интег-

рационального процесса, реализующегося в рамках сотрудничества исследователей на международных научных форумах. Еще одна значимая идея заключается в попытке позитивного переосмысления марксистской идеологии⁹. Автор пытается призвать научное сообщество оценивать не только негативные последствия применения данной методологии, но и позитивные.

В статье А.Н. Сахарова «Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки» представлен ряд аргументов, свидетельствующих о том, что при всей идеологизированности исторической науки существовали периоды ослабления государственного влияния, в рамках которых исследователи могли вступать в научный диалог, что, в свою очередь, привело к впечатляющим успехам на пути исследования конкретных проблем отечественной истории¹⁰.

Статья М.И. Мельтюхова «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова “Ледокол” интересна в первую очередь объективным взглядом на работу В. Суворова, во вторую очередь интерес представляет оценка российской критики “Ледокола”»¹¹.

Анализируя работы авторов, нельзя не обратить внимание на то, что, если можно так выразиться, выстроилась своеобразная иерархия диалогов. Для ученых-историков более значимым оказывался не диалог внутринаучный, не диалог на международной арене и даже не диалог с обществом, а диалог с властью. Так называемые общественные запросы формулировала и продвигала власть, и историки реагировали именно на эти запросы, при этом авторы обращают внимание на то, что в советский период власти удавалось гармонизировать так называемые общегосударственные и общественные запросы: и власть, и общество хотели знать о самих себе только позитивное, и историки профессионально удовлетворяли эти запросы.

Все это в конечном итоге и приводило к тому, что когда общество во второй половине 80-х гг. по-новому сформулировало свои запросы к историческому знанию, историки в значительной степени оказались к этому неподготовленными, о чем специально говорится в статье А.П. Логунова «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг.». Единодушие исследователей и невозможность отчетливо видеть проблемный исторический материал сыграли с ними злую шутку. Государство нуждалось в истории, как в механизме, который может дать ответы на ряд вопросов и в то же время может быть эффективным инструментом идеологического воздействия на молодежь.

По словам А.П. Логунова, неготовность истории решать государственные задачи привела к давлению сверху. Общественные запросы также были не реализованы историками. В связи с этим автор обращает внимание читателя на идеи Ю.Н. Афанасьева, которые можно и нужно использовать для выстраивания науки, способной отвечать современным запросам¹².

Весьма значимой для этого сборника оказывается еще одна историографическая черта: стремление к проблематизации тем и вопросов, которые еще не принимались исторической наукой как значимые и считались решенными. В этой связи интерес представляют несколько статей сборника. Значимой является работа Н.В. Старикова «Эпоха “оттепели” и этапы сталинизма: вопросы историографии», который попытался проанализировать историографические реакции на изменения в исторической науке, происходившие в период оттепели. Исследователь выделяет ряд периодов в истории СССР, когда государство предъявляло к научным трудам определенные требования, в связи с такой серьезной дифференциацией возникает необходимость в актуализации задач историографической систематизации материалов¹³.

Бесспорно, сюда же следует отнести и статью А.Б. Безбородова «Историография истории диссидентского движения», в которой автор дал историографический анализ истории диссидентского движения, сама история которого вообще не представлялась научно значимой и требующей пристального внимания профессионалов-историков. Собственно говоря, усилиями А.Б. Безбородова, а затем его работами с Е.И. Пивоваром тема истории диссидентского движения получает научную определенность и историческую значимость. В своей статье он призывает активнее заниматься историей инакомыслия в Советском Союзе. А.Б. Безбородов считает, что скупое представление инакомыслия в рамках учебного процесса в школах и университетах, а также в учебной литературе связано с плохой изученностью послевоенного периода истории СССР¹⁴.

Еще раз особо хотел бы высказаться о содержании статьи В.П. Козлова, который, анализируя архивную цензуру советского времени, обращает внимание на новые элементы, появившиеся в практике работы с архивами уже в постсоветское время. К таким элементам автор относит полный запрет доступа к материалам, противоречащим Конституции РФ (материалы о религиозных и национальных движениях), сохранение диктата ведомств в отношении условий доступа к использованию документов, созданных в процессе их работы, и документов, уже хранившихся в архивах ведомств, появление монополизации рассекречиваемой информации

отдельными группами лиц и появление идей коммерциализации ее использования, классификация архивов, представленная в законодательстве РФ, которая предполагает закрытость определенных видов документов¹⁵.

Рецензируемый сборник статей в определенном смысле стал важнейшим фактом отечественной историографии. Авторам удалось поднять важные, оригинальные вопросы, которые на протяжении большого периода времени оставались в научной повестке, а взгляд на них спустя 20 лет позволяет судить о том, что сборник не утратил своей актуальности и по сей день. Вклад, который внесли в науку авторы статей, наиболее точно можно оценить только по прошествии времени. Ни одна диссертационная работа, посвященная проблемам советской историографии, не обходится без упоминания данного сборника или отдельно взятых статей. Можно смело заявить, что имена исследователей, принимавших участие в подготовке данного сборника, навсегда останутся в истории исторической науки.

Примечания

- ¹ *Ипполитов В.А.* Социально-политические аспекты деятельности сельского комсомола Центрального Черноземья в 1930–1935 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов: ТГТУ, 2016. С. 4; *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань: КФУ, 2015. С. 3. *Шхачемуков Р.М.* Процесс становления и развития исторического знания в Адыгее (середина XVIII – 80-е гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп: АГУ, 2015. С. 4.
- ² Путин снова назвал распад СССР «безусловной трагедией» // РБК [Электронный ресурс]. 1995–2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/562913189a79477c0bb9d78a> (дата обращения: 25.11.2017).
- ³ *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7–41.
- ⁴ *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг // Там же. С. 447–487.
- ⁵ *Хорхордина Т.И.* Архивы в «Зазеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов // Там же. С. 191–214.
- ⁶ *Ферретти М.* Сталин умер вчера... А действительно ли умер Сталин? // Там же. С. 429–446.
- ⁷ *Козлов В.П.* Публикация архивов и свобода архивной информации // Там же. С. 522–536.

- ⁸ *Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов и «Дело Платонова» // Там же. С. 215–239.
- ⁹ *Мохначева М.П.* Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Там же. С. 78–123.
- ¹⁰ *Сахаров А.Н.* Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Там же. С. 124–161.
- ¹¹ *Мельтохова М.И.* Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография. М., 1996. С. 488–521.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Стариков Н.В.* Эпоха «оттепели» и этапы сталинизма: вопросы историографии // Там же. С. 316–348.
- ¹⁴ *Безбородов А.Б.* Историография истории диссидентского движения // Там же. С. 401–428.
- ¹⁵ Там же.